

В. Е. Быкасов

КОЕ-ЧТО ОБ ОСТОРОЖНОСТИ И САМОНАДЕЯННОСТИ (история одной географической ошибки)

Анализ попыток Лаперуза, Броутона и Крузенштерна по отысканию пролива между Азиатским материком и островом Сахалин показывает, что в условиях сложной природной ситуации названные мореплаватели, проявив вполне понятную осторожность, не отважились продолжить свои поиски. Что, наряду с самонадеянностью в оценке конечного результата, и привело в 1855 г. к краху упований командования англо-французской эскадры на уничтожение русской тихоокеанской флотилии.

Ключевые слова: пролив Татарский, Сахалин, лиман Амурский, устье Амура.

V. E. Bykasov

SOME THOUGHTS ON SELF-CONFIDENCE AND CAUTION (the story of the one geographical error)

An analysis is conducted on the futile attempts of Laperouse, Broughton, and Krusenstern to find a strait between the Asian continent and Sakhalin Island. It is shown that in the complex natural conditions, the aforementioned sailors did not dare to continue their search. Ultimately, this led to the collapse of the hopes of the Anglo-French command in 1855 to destroy the Russian Pacific fleet.

Keywords: Tatar Strait, Sakhalin, Amur Estuary, mouth of the Amur.

В связи со 170-летием обороны Петропавловска-Камчатского будет нелишне, как представляется, под несколько непривычным углом зрения посмотреть на историю открытия Татарского пролива. Именно безуспешные попытки Лаперуза, Броутона и Крузенштерна отыскать пролив, отделяющий остров Сахалин от материка, обернулись тем, что объединённая англо-французская эскадра в 1854–1855 гг. потерпела полное фиаско в своём намерении оттеснить Россию от Тихоокеанских берегов. Но прежде чем завести разговор о самих этих попытках, стоит напомнить о предваряющих событиях.

В 1640 г. И. Москвитин, совершив плавание от устья р. Улья к устью р. Амур, установил, что напротив Амурского устья располагается большой «Гилятский» остров – т. е. остров Сахалин [1, с. 268]. В 1643 г. якутский стольник и воевода Пётр Головин отправил из Якутска отряд письменного головы В. Д. Пояркова. Добравшись до р. Зеи, казаки провели здесь крайне трудную, вплоть до проявления каннибализма (было съедено 50 трупов), зиму [2, с. 87]. Весной 1644 г. они отправились вниз по Амуру и, достигнув его устья, остановились там на вторую зимовку. В конце весны 1645 г. В. Поярков вышел в море и направился на лодках на север. В тумане казаков занесло к какому-то крупному острову. Была ли это северная оконечность Сахалина, о котором им зимой рассказали гиляки, или

это были Шантарские острова – доподлинно неизвестно [3, с. 280]. Но в том, что поярковцы знали об острове Сахалин и о населяющих его гиляках и айнах, сомневаться не приходится. Ибо, как отметили Д. М. Лебедев и В. А. Есаков: «*Микула Тимофеев с товарищи сообщали, что “гиляки сказывали: есть де на усть Амура реки в глуде остров”, а на нём в 24 улусах живут гиляки по 100 и 50 юрт в каждом улусе. Главное занятие их – рыболовство. При этом гиляки сообщают не только о жителях северной части острова Сахалина, но и об его южных обитателях, именуемых ими “куями” (айнами)*» [4, с. 109].

Значит, ещё за 165 лет до плаванья И. Крузенштерна русские люди уже знали, что напротив устья р. Амур располагается большой остров, который от земли амурских гиляков (нивхов) отделяется настолько узким проливом, что в хорошую погоду гиляки на своих небольших лодках пересекали его за несколько часов.

Однако об этом вскоре было забыто. Во всяком случае, в своей инструкции А. Е. Шельтингу от 30 августа 1741 г. М. П. Шпанберг об устье Амура сказал так: «*И следуя вам в вышеописанном (от Охотска до реки Уды и далее к югу. – В. Б.) пути до 46° северной ширины до реки Амура, которая, надеемся, что лежит в вышеозначенной ширине*» [5, с. 219].

Обращу ваше внимание на то, что координата в 46° с. ш. соответствует широте пролива Лаперуза. А потому можно говорить о том,

что цифра 46 в печатном варианте инструкции М. Шпанберга, скорее всего, появилась в результате опечатки. Ибо далее М. Шпанберг написал: *«А когда вы поворотитесь от выше означенной реки Амура к Большой реке, то надеемся, что куриш вам надлежать будет OtN и ONO, токмо держать одну строчку с левую сторону до 52° северной ширины. Для опасения от Курильских островов, от правой стороны, и от того 52° держать куриш прямо х(к) Камчатке...»* [5, с. 219].

О том, что М. Шпанберг не ошибался с координатами Амурского устья на несколько градусов, свидетельствуют и данные А. Е. Шельтинга о плавании от Охотска к устью реки Уды и оттуда к Камчатке.

И действительно, 11 сентября 1741 г. А. Шельтинг на дубель-шлюпке «Надежда» вышел из Охотска с заданием произвести опись западного побережья Охотского моря. О чём он в своём рапорте М. П. Шпанбергу написал: *«И сентября 13 дня 741 году пришли к помянутой реке Уде к устью...»* [6, с. 219].

Пробыв возле Уды до 21 сентября в исследовании устья и приустьевой части реки на гребных судах, А. Шельтинг и геодезист М. Гвоздев установили, что крупные суда в устье Уды войти не могут, и что сооружение здесь порта невозможно. А потому А. Шельтинг отправился в сторону Шантарских островов: *«И сентября ж 22 дня сего году от уцкого устья реки следовал я меж берегами и Шантарскими островами, которые лежат от северного берега в 6 и в 4-х милях немецких, и за великими противными тогда ветрами, и погодами, и туманами на те острова для лутчаго осмотра и описания ехать на шлюпке было невозможно»* [6, с. 222]. А после сильнейшего шторма мореходы направились, как им и было предписано, к Камчатке: *«И 28 дня сентября за тем великим штормом лежали на дрейфе, и изорвало гротсель в мелкие штуки, и воды в судне стало прибывать в вахту по 4 и 5 дюймов... И того ж числа со обретающимися в команде моей ундер-офицерами обще согласились поворотить к Большой реке»* [там же]. Значит, А. Шельтинг от Шантарских островов проследовал напрямую к Камчатке, так и не увидев острова Сахалин.

Тем не менее он отметил, что *«вышереченное устье реки Уды по счислению моему от Охоцка лежит на ZW в северной ширине 55°30', а по разности длин к западу 07°00', а от удцкого устья до Курильского первого острова на OZO в ширине северной 50°37', а по разности длин к восто-*

ку 20°00'» [6, с. 219]. Т. е., хотя А. Шельтинг при определении широты устья р. Уды и ошибся, всё же его данные подтверждают, что М. Шпанберг к привязке устья Амура к широте пролива Лаперуза отношения не имеет.

На следующий год А. Шельтинг на той же дубель-шлюпке «Надежда» от устья р. Большой вновь направился на поиск устья Амура. При этом, побывав в северной части Амурского лимана, он в своём рапорте М. Шпанбергу от 21 сентября 1742 г. доложил: *«И будучи во оном пути, как нами усмотрено, оному Амурскому устью по исчислению места надлежит быть во оных градусах, токмо за великим на море от противных ветров погодами, паче же за великими же туманами видеть оного Амурского устья было невозможно»* [7, с. 187]. И эта попытка обнаружить устье Амура оказалась безуспешной.

Знал ли о походах И. Москвитина, В. Пояркова и А. Шельтинга И. Ф. Крузенштерн? Известно. Сам он об этом ничего не говорил, хотя довольно подробно описал плавание своих иностранных предшественников – Лаперуза и Броутона, безуспешно попытавшихся отыскать Татарский пролив. Вот обо всём этом и пойдёт речь далее.

1 января 1800 г. И. Ф. Крузенштерн, который в 1778–1779 гг. был привлечён Г. И. Муловским к участию в проекте по организации первого русского кругосветного плавания, подал в Адмиралтейств-коллегию письмо, в котором предлагал послать русские корабли в кругосветное плавание [9, с. 356–368]. Спустя два года в другой своей записке он представил дополнительные доводы в пользу осуществления такого плавания, особо подчеркнув при этом, что полученный опыт поспособствует повышению мастерства русских моряков [9, с. 11].

В результате, 7 августа 1802 г. И. Ф. Крузенштерн был назначен начальником первой русской кругосветной экспедиции, целью которой была доставка груза в Русскую Америку и на Камчатку с одновременным проведением на всём пути географических, этнографических и гидрографических исследований. А также установление дипломатических отношений с Китаем и Японией, для чего вместе с этой экспедицией был послано посольство Н. П. Резанова.

Как отмечал Л. С. Берг, И. Ф. Крузенштерн с Н. П. Резановым были поставлены в двусмысленное положение. Когда, с одной стороны, Н. Резанов назначался *«полным хозяйским лицом не только во время вояжа, но и в Америке»* [10, с. 94]. А с другой стороны, той же инструкцией

И. Крузенштерну предписывалось *«управление во время вояжа судами и экипажем, каковое управление предоставлялось его полному распоряжению»* [10, с. 94]. Вследствие чего и возникло то разногласие позиций И. Крузенштерна и Н. Резанова, которое привело к неудаче дипломатических переговоров с японцами в Нагасаки.

26 июля 1803 г. шлюп «Надежда» под командой И. Ф. Крузенштерна и шлюп «Нева» под командой Ю. Ф. Лисянского вышли из Кронштадта. И через год – 3 июля 1804 г., «Надежда» вошла в Авачинскую губу. Отсюда судно 27 августа направилось в Японию, где участники плавания более полугода провели в порту Нагасаки. Однако Н. П. Резанову, несмотря на его опыт и такт, не удалось выполнить возложенную на него дипломатическую миссию. Чему, как считал Б. П. Полевой, поспособствовало вмешательство в переговоры И. Ф. Крузенштерна, который, будучи начальником экспедиции и в полном согласии с вверенной ему инструкцией, решил, что ему также полагается принимать участие в переговорах. Ну, а когда «в товарищах согласия нет, на лад их дело не пойдёт».

Так что 5 апреля 1805 г. шлюп «Надежда» с русским посольством и с неожиданными подарками со стороны японских властей (в частности, 2 тыс. мешков соли общим весом 1300 пудов, которой Камчатке хватило на два года) вышел в обратный путь на Камчатку. Но не напрямую, а вдоль всех западных берегов японских островов к южной оконечности Сахалина. Осмотрев по пути мыс Анива, побережье залива Анива, мыс Крильон и побережье залива Терпения, судно от мыса Терпения направилось к Авачинской губе.

25 мая 1805 г. судно вернулось в Петропавловск-Камчатский, где Н. П. Резанов сошёл на берег, а затем отправился в Русскую Америку. Тогда как И. Крузенштерн 23 июня 1805 г. вновь отбыл к юго-восточным берегам Сахалина. Оттуда он намеревался пройти к северо-западной оконечности острова, чтобы установить существование или отсутствие пролива между островом и материком. Само это намерение было обусловлено тем, что попытки иностранных моряков отыскать этот пролив, следуя с юга, успехом не увенчались.

И действительно, в начале 1880-х гг. в северную часть Тихого океана была направлена французская военно-морская экспедиция, возглавляемая Жаном Франсуа де Гало де Лаперузом. Экспедиции предписывалось пройти так

называемым «проливом Тессой» (ныне Корейский пролив) и Японским морем, ознакомиться по пути с прилегающей к проливу и к Японскому морю частью материковой территории и, главное, тщательно изучить открытую голландцем де Фризом «Землю Штатов» (остров Итуруп) с тем, чтобы в последующем на одном из южных Курильских островов можно было бы, как минимум, создать факторию для организации пушного промысла и торговли с местными жителями. А как максимум – порт-убежище для французских кораблей, плавающих в этой части Тихого океана [11, с. 137].

Во исполнение этого предписания летом 1787 г. два судна экспедиции – «Астролябия» и «Буссоль» – прошли Японским морем до Татарского пролива и, проследовав по нему к северу, достигли залива, названного Лаперузом в честь французского военного министра де Кастри заливом Де-Кастри (ныне залив Чихачёва). Однако, столкнувшись чуть далее с резким уменьшением глубин, Лаперуз продолжить путь на север побоялся. А после беседы с айнами острова Сахалин и вовсе решил, что впереди находится перешеек, соединяющий Сахалин с материком [там же].

Тем не менее, в заслугу Лаперузу следует поставить то, что пройдя после этого проливом между Сахалином и островом Хоккайдо, позднее названным его именем, он всё же сумел проследовать вдоль всей Курильской гряды. Отчего многие географические объекты Курильских островов и получили французские названия – например, пик Прево.

Лаперуз посчитал, что Сахалин является полуостровом, что и было признано другими исследователями. И все же в 1793 г. правительство Англии поручило Уильяму Роберту Броутону совершить плавание в северную часть Тихого океана. В октябре 1796 г. военный шлюп «Провидение» и вспомогательное судно (тендер) экспедиции Броутона оказались в проливе между островом Сахалин и материком. Однако и Броутону не удалось проплыть нынешним Татарским проливом до устья Амура, и тем самым убедиться, что Сахалин является островом.

Впрочем, обо всём этом более подробно будет сказано ниже, а пока вернемся к плаванию «Надежды». И с этой целью приведем данные И. Крузенштерна, относящиеся к пребыванию шлюпа у северных и северо-западных берегов Сахалина. При внимательном прочтении авторского текста отчётливо прослеживается желание именитого мореплавателя оправдаться

в глазах читателей за неудачную попытку отыскать пролив между Сахалином и материком.

«Августа 9-го на рассвете при пасмурной погоде и умеренном О ветре, поставив все паруса, поплыли мы к SW. Я полагал, что северный мыс находился от нас в сем направлении. Берег показался не прежде 9 часов и был тот самый, который видели мы вчера в тумане на SW от северного мыса. Последний усмотрели мы в 10 часов, но неясно за туманом. Он лежал на SO 5°, а северо-западный в то же время на SW 5°. Сии обе конечности были тогда от нас в равном расстоянии около 15 миль, где глубина найдена на 35 сажений, грунт песчаный. Они составляют северную сторону Сахалина и достойны особого примечания. Я назвал их Елизавета и Мария...» [9, с. 234–235].

Побывав на берегу Северного залива, расположенного между мысом Елизаветы и Марии, моряки отправились к Амурскому лиману, обойдя с этой целью мыс Мария. И вот что об этом написал сам И. Крузенштерн:

«При выходе нашем из залива увеличивалась глубина постепенно от 8 до 16 сажений: по приближению к мысу Марии оказалась она вдруг 48 сажений. В 8 часов вечера, когда мы находились от берега в 7 милях, корабль не стал слушаться руля, хотя ветер дул попутный и свежий. Сие происходило от сильного, стремившегося к WSW течения, которого направление в 2 часа пополудни переменялось на ONO. Ветер дул ещё свежий, но кораблём управлять было не можно, и нас понесло течением. Для измерения одного спустили в 10 часов утра гребное судно, поставили его у корабля на дреке: мы нашли скорость течения 2½ мили в час. Испытание одного другим способом показало то же самое. Впрочем, ночью течение действовало сильнее.

Ночью отошёл ветер к SO и дул сильно во весь следующий день: дождь шёл непрерывно, солнце не показывалось ни на мгновение. Сия худая погода принудила нас лавировать в канале, разделяющем Сахалин от берега Татарии, которого мы, однако, не могли видеть. Глубину находили здесь от 22 до 37 сажений. Течение было вообще весьма сильно. Во время ночи сделался ветер слабым, и корабль опять руля не слушал. До 10 часов утра несло нас течением, которого мы не могли преодолеть; ветер настал тогда свежий от NW, и мы принуждены были плыть SOtS вместо ONO. Сей последний курс не прежде могли мы взять как в 2 часа пополудни. Положение берега подавало повод думать, что за мысом Горнером должен быть безопасный залив. В сем чаянии приблизи-

лись мы к берегу на 1½ мили, однако нашли после, что залив некоторым образом хотя и защищён, но обширность его гораздо менее, нежели какую мы предполагали сначала. Не найдя нигде лучшего якорного места, остановились мы после в сем заливе на якорь 14 августа...» [9, с. 235–236].

На следующей странице И. Крузенштерн пишет: «На рассвете следующего дня, поставив все паруса, поплыли мы к SO, чтобы осмотреть берег, простиравшийся в сем направлении. В 8 часов переменили курс на StW. В сие время открылся виденный вчера в вечеру в дальнем расстоянии песчаный берег, скоро потом и продолжение оно-го далее к западу. В 11 часов усмотрели мы от SWtW до W высокий гористый берег, который прежде за туманом не могли видеть. Это долженствовал быть берег Татарии. Между крайнейшею гористого хребта сего оконечностью, за коей далее во внутренности находятся два хребта гор высоты посредственной, и песчаным берегом Сахалина показался пролив шириною не более 5 миль. Здесь долженствовал быть канал, ведущий к устью Амура: мы начали держать курс прямо к оному. В милях от него глубина уменьшилась до 6 сажений, почему я и **не осмелился** (здесь и далее выделено мною. – В. Б.) итти далее» [9, с. 237].

То есть, не сумев пробиться ни на шлюпе, ни на гребном судне (на баркасе с палубой, оборудованной во время пребывания в Нагасаки) к устью Амура, моряки направились к заливу Надежды для ловли рыбы и заготовки дров, что и было осуществлено. Здесь же они в очередной раз встретились с местными жителями (гиляками), которых они называли татарами.

А далее И. Крузенштерн написал: «Сколько я ни желал изведать канал и весь берег Татарии от устья Амура, что для вернейшего географического определения сей части почитал весьма нужным, однако **не смел отважиться** на то ни под каким видом... Крайне сожалел я, что не мог воспользоваться удобным случаем. Между малыми островами, лежащими близ мыса Ромберха, можно было бы, конечно, найти безопасное якорное место. Я не сомневаюсь, что таковое же находится и в проливе* между матерым берегом и низменным островом, имеющем вид полумесяца, и отсюда мог бы отправить особенную экспедицию в пролив Татарии и к устью Амура...» [9, с. 245–246].

И. Крузенштерн был вынужден признать свою неудачу. А потому и поспешил объяснить причины её возникновения.

* Если только онный существует, что мне казалось весьма невероятным.

«Я не хотел умолчать и не объявить причин, которые удержали меня от продолжения моих исследований далее к S, потому, чтобы освободиться от упреков. Есть географы, которые иногда не довольны мореходцами, хотя бы сии из рвения к сей науке подвергались величайшим опасностям. Даже на самого Лаперуза показали неудовольствие, что он не испытал канала, разделяющего Сахалин от Татарии, не принимая от него оправдания, что он, хотя и нашёл хорошее якорное место, из коего мог бы послать для того гребные суда, однако не сделал сего потому, что не имел баркаса с палубою, без какового предприятие было бы слишком опасно: сверх того, наступило уже позднее время года, и южные ветры дули так продолжительно и сильно, что если бы не сделался, к счастью его, двухдневный шторм от N и не вынес его из сего узкого места, тогда было бы очень сомнительно, смог бы ли притти он на Камчатку того же года? Итак, если и Лаперуза, способствующего столь много к усовершенствованию географии в сем туманном море, винят за то, что он не сделал [,] и ещё более паче должны мы ожидать подобных упреков» [9, с. 246].

И далее продолжил: «По окончании нашего исследования Сахалина **уверился я точно**, что к S от устья Амура не может быть прохода между Татарией и Сахалином, в чём согласны со мною и все прочие, на корабле бывшие и могшие судить о сем....

Поелику я неоднократно уже упоминал, о своём мнении, что между Татарией и Сахалином **не может быть прохода** и поелику предмет сей может быть останется надолго ещё спорным, то я намерен привести здесь кратко причины, побудившие меня утверждать моё мнение. Оные основываются, собственно[,] на испытаниях, учинённых Лаперузом на юге, а нами на севере от перешейка, соединяющего Сахалин с Татариею. Он продолжал идти так далеко по каналу, пока глубина позволяла величине кораблей его, которая уменьшалась через каждую милю одною саженью. Мнение его, что он находится в заливе, не имеющем выхода в Охотское море, подтверждалось прежде всего тем, что он не примечал течения, которому бы в противном случае на[д]лежало оказываться непременно. Лаперуз остановился, наконец, на глубине 9 сажень и **не отважился** итти далее потому, что беспрестанно дующие в летнее время сильные южные ветры и великое волнение угрожали в водах мелких опасностью. Почему и отправил для измерения глубины два гребных судна, отправившиеся к северу, перешед три мили, где найдена глубина 6 сажень,

возвратились к кораблям обратно. При сем достойно сожаления то, что испытание относительно тяжести воды, чего учёные обоих кораблей, конечно, не оставили без внимания, не сделалось известным. Если бы не найдено было при этом никакой или только малая разность в тяжести воды морской, тогда как сие, так и бездействие течения, послужили бы неоспоримым доказательством, что прохода совсем не находится. Известия, полученные Лаперузом во время бытности его в заливе Кастрье, хотя и должны были быть недостаточны по незнанию языка, однако подтверждают то, впрочем, довольно сильно. Когда Лаперуз начертил карандашом на бумаге Сахалин и противолежащий берег Татарии, оставив между оными пролив, и показал то обитающим у вышеупомянутого залива (аборигенам. – В. Б.), тогда один из них, взяв у него вдруг из руки карандаш, провёл черту через означение пролива и дал уразуметь чрез то, что Сахалин соединяется с Татарией узким перешейком, на котором растёт, якобы, и трава[,] и чрез который будто бы перетаскивают они иногда свои лодки. Сии известия, постепенное глубины уменьшение и бездействие течения, побудили Лаперуза заключить весьма справедливо, что Сахалин или соединяется с Татарией перешейком, или канал[,] разделяющий сии обе земли, становится наконец очень узок, где глубина должна быть не более нескольких футов. Лаперуз, сообщая своё мнение, **не утверждает оно совершенно**, но сие приписать надобно, может быть, его скромности, которая не позволила ему утверждать действительно того, чего не испытал он сам собою. Сообразуясь с сим, продолжали до сего несправедливо изображать на картах Сахалин островом, а канал между оным и матерым берегом называть проливом Татарии. Испытания, учинённые нами на 100 миль севернее, **не оставляют теперь ни малейшего более сомнения, что Сахалин есть полуостров**, соединяющийся с Татарией перешейком» [9, с. 248].

Увы, сам И. Крузенштерн подобной скромности не проявил, когда он высказал свои собственные соображения на этот счёт: «Если бы существовал пролив между Сахалином и Татариею, тогда южные ветры, господствующие по свидетельству Лаперуза чрез всё лето, должны были вгонять солёной воды в лиман, в который впадает Амур, такое множество, что при выходе оной в северный нами открытый пролив (явная оговорка, ибо Крузенштерн постоянно утверждал, что пролива между островом и материком нет. – В. Б.) не может она лишиться всех солёных

частиц своих. Но как мы испытали совсем тому противное, то и служит сие ясным доказательством, что между Сахалином и Татариею **вовсе не существует пролива**. К сему присовокупить надобно и сильное – от юга в северном канале течения, о коем объявлено мною в предыдущей главе обстоятельно. Если бы вливаемая Амуром вода могла стремиться в ту и в другую сторону, тогда оно было бы непременно слабее.

Сии примечания писаны мною там, где учинены испытания, внесённые в журнал мой. По прибытии нашем после в Кантон обрадовался я немало, нашед путешествие капитана Бротона, которое издано во время нашего отсутствия. Из оногo всякий усмотреть может, что предположения мои о соединении Сахалина с Татариею совершенно подтверждаются...

Капитан Бротон, имевший малое судно, которое ходило не глубже 9 футов, простёр своё плавание с южной стороны к северу между Сахалином и Татариею 8 милями далее Лаперуза, где глубина была 2 сажени, и нашёл, что канал оканчивался заливом, вдающимся в землю на 3 или 4 мили. Он приказал объехать сей на гребном судне и удостоверился, что оный окружается повсюду низменными, песчаными берегами так, что нигде не оказалось ни малейших признаков к проходу. Итак, здесь-то открыт им предел великого залива Татарии. Но если бы, не взирая и на сие, скрылся от усмотрительного Бротона и внимательного его помощника Чапмана, которому препоручил он изведать залив сей, где-либо узкий канал, в таком случае неминуемо приметили бы они течение. Но Бротон говорит ясно, что совершенное спокойствие водной поверхности в сем месте служило для него доказательством, что берег нигде не прерывается, следовательно, и пространство воды, существующее между Сахалином и Татариею, есть не что иное, как обширный залив. В испытании тяжести воды морской не настоит при сем никакой надобности» [9, с. 249].

А в завершение И. Крузенштерн окончательно и категорически заявил: **«Итак, теперь доказано совершенно, что Сахалин соединяется с Татариею низменным песчаным перешейком[,] и есть полуостров, а не остров**. Почему справедливость и требует означаемый на картах со времени путешествия Лаперуза пролив Татарии изображать и называть заливом оный, хотя весьма вероятно, что Сахалин был некогда, а может быть ещё в недавние времена, островом, но что наносные пески Амура соединили его с матерой землёй» [там же].

И эти его соображения были приняты цивилизованным миром настолько безоговорочно, что довольно длительное время после его плавания никто даже и не пытался выразить сомнения вслух. Как написал известный историк Д. И. Романов: **«Но кто мог заподозрить в ошибочности заключения такого знаменитого европейского авторитета! Кто мог поднять завесу, опущенную им на этот край...»** [12, с. 50].

Спустя полвека эту завесу слегка приподнял поручик корпуса флотских штурманов А. М. Гаврилов, который в 1846 г. на бриге «Константин» вошёл с севера в Амурский лиман, встал в его северной части на якорь и оттуда, на шлюпках и байдарах, дошёл до устья Амура [12, с. 53]. Впрочем, и он проследовать к югу от устья Амура также не решился.

Окончательную точку в этом вопросе поставил Г. И. Невельской. На основе сравнительного анализа архивных и картографических данных русских землепроходцев и мореходов, плававших по Амуру и Охотскому морю, с представлениями И. Ф. Крузенштерна, он пришёл к выводу о том, что такая могучая река, как Амур, должна иметь судоходный выход в открытое море. Изложив свои представления начальнику Главного морского штаба А. С. Меншикову, он просил разрешения на то, чтобы за счёт сэкономленных времени, средств и ресурсов, выделенных на осуществление предназначенного ему в служебном порядке кругосветного плавания на Камчатку и обратно, совершить плавание к устью Амура. И А. С. Меншиков, убедившись в серьёзности представлений Г. Невельского, ознакомил с его докладом Н. Н. Муравьёва, только что назначенного генерал-губернатором Восточной Сибири. Разрешение Г. И. Невельским было получено.

21 августа 1848 г. транспорт «Байкал» вышел в плавание из Кронштадта. 2 января 1849 г. «Байкал» обогнул мыс Горн и 12 мая этого же года встал на якорь в Петропавловской гавани. Весь путь от Кронштадта до Авачинской губы Г. Невельской прошёл за 8 месяцев и 23 дня. До него быстрее (за 8 месяцев и 8 дней) этот путь преодолел, причём на более мореходном шлюпе «Диана», только В. М. Головнин в 1807–1809 гг.

Сразу же после разгрузки судна Г. И. Невельской, согласно копии инструкции А. С. Меншикова, отправился к Сахалину, и уже 27 июня 1849 г. «Байкал» встал на якорь в северной части Амурского лимана. Отсюда П. В. Казакевич и Э. В. Гроте на шлюпках проплыли на юг вдоль материковых и сахалинских берегов, проводя

при этом измерение глубин и определяя направление течений. При этом П. В. Казакевич вошёл в устье Амура, поднялся вверх по течению до селения местных жителей Чныррах, поднялся на гору Табах, с вершины которой просматривался весь Амурский лиман, и произвёл астрономические определения. А на обратном пути обнаружил извилистый фарватер Амура с глубинами от 3,5 до 5 саженей [8, с. 55].

15 июля уже сам Г. Невельской с А. К. Гейсмаром, Э. В. Гроте, Л. А. Поповым и доктором В. Г. Берге в сопровождении 15 моряков, на шестёрке, четвёрке и вельботе отправились по лиману на юг. При этом они вошли в Амур, поднялись по нему до полуострова Куегда, спустились оттуда к мысу Пронге и, следуя от него вдоль материкового берега к югу, 22 июля достигли того места, где матёрый берег сближается с сахалинским мысом Погиби. Здесь мореходы определили ширину (4 мили) и наименьшую (5 сажен) глубину пролива, позднее названного именем Невельского. Продолжив свой путь до 24 июля, моряки достигли широт, до которых доходили Лаперуз и Броутон, и вдоль западного берега Сахалина вернулись на своё судно. Так, выражаясь канцеляритом, и был закрыт Амурский вопрос.

Ну а далее остаётся только отметить, что спустя год после позорного отступления 27 августа 1854 г. от Петропавловска, английская эскадра

в составе трёх парусных фрегатов – «Президент», «Альсест» и «Пайк», двух пароходов – «Бреск» и «Эсканто», а также корвета «Дидо» и колёсного парохода, 19 мая 1855 г. вновь вошла в Авачинскую губу. При этом в Петропавловске, оставленном его немногочисленными жителями, военные мародёры сожгли пороховой погреб, большую часть казённых зданий (в том числе дом и магазин Российско-американской компании), а также китобойное судно «Аян»; срыли все батареи и осквернили собор [13, с. 73]. 18 июня эскадра вышла из Авачинской губы и направилась к Татарскому проливу в поисках исчезнувших русских кораблей. При этом корабли эскадры дважды подходили к заливу Де-Кастри, где стояли русские корабли. Однако русские моряки, воспользовавшись непогодой, буквально выскользнули из бухты и ушли в Николаевский порт. А иностранные моряки так и не решились проследовать вслед за ними к устью Амура.

И хотя к этому времени в Англии и во Франции уже наверняка знали о результатах успешного плавания Г. И. Невельского, английские и французские моряки по-прежнему доверились известным европейским авторитетам Жану Франсуа де Гало де Лаперузу, Уильяму Роберту Броутону и Адаму Иоганну-Фридриху Крузенштерну, а не русскому капитан-лейтенанту Геннадию Ивановичу Невельскому.

1. Полевой Б. П. Об ошибках в освещении похода Ю. Ю. Москвитина 1639–1641 гг. // Избранное / Б. П. Полевой. Петропавловск-Камчатский, 2021. С. 261–271.
2. Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1946. 358 с.
3. История открытия и исследования Советской Азии СССР с древнейших времён и до XVII века. М. : Мысль, 1969. 535 с.
4. Лебедев Д. М., Есаков В. А. Русские географические открытия и исследования: с древних времён до 1917 года. М. : Мысль, 1971. 516 с.
5. Инструкция М. П. Шпанберга А. Е. Шельтингу об описании побережья и островов Охотского моря // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. М., 1984. С. 218–219.
6. Из рапорта А. Е. Шельтинга М. П. Шпанбергу об описании побережья Охотского моря от Охотска до Шантарских островов // Там же. С. 219–222.
7. Глушанков И. В. Славные навигаторы российские. Хабаровск : Кн. изд-во, 1986. 224 с.
8. Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. Хабаровск : Кн. изд-во, 1969. 440 с.
9. Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1976. 392 с.
10. Берг Л. С. История русских географических открытий. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 296 с.
11. Полевой Б. П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск : Дальневост. кн. изд-во. Сахал. отд-ние, 1982. 268 с.
12. Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М. : Наука, 1982. 288 с.
13. Витер И. В., Смышляев А. А. Город над Авачинской бухтой (История города Петропавловска-Камчатского). Петропавловск-Камчатский : Камч. печ. двор, 2000. 207 с.